

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

С.А. Джанумов

(ГОУ ВПО «Московский городской педагогический университет»)

АФОРИСТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР В ДНЕВНИКАХ, ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ И СТАТЬЯХ Л.Н.ТОЛСТОГО

Будучи человеком, горячо любившим народное поэтическое искусство, тонко чувствующим красоту и самобытность фольклора, Толстой с молодых лет уделял большое внимание устному народному творчеству. В дневнике 22-летнего волонтёра Кавказской армии, еще только пишущего «Детство», мы находим такую запись: «У народа есть своя литература — прекрасная, неподражаемая; но она не подделка, она выпевается из среды самого народа» ([8]; 46, 71). Толстой был убеждён, что фольклор сохранит своё эстетическое значение и тогда, когда перестанут оказывать эмоциональное воздействие на читателя некогда широко известные и популярные произведения книжной литературы. В письме к своему другу — литературному критику и публицисту Н.Н. Страхову от 22–25 марта 1872 г. Толстой предвидит: «“Бедная Лиза” (имеется в виду имевшая огромный успех у читателей в конце XVIII века сентиментальная повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». — С.Д.) выжимала слёзы, и её хвалили, а ведь никто никогда уже не прочтёт, а песни, сказки, былины — всё простое будут читать, пока будет русский язык» ([8]; 61, 278).

К фольклорным жанрам, помимо упомянутых выше песен, сказок и былин, которые всегда глубоко интересовали Толстого, которые он хорошо знал и любил, а также широко использовал в своём творчестве, можно отнести народные пословицы и поговорки. Старший сын писателя С.Л. Толстой вспоминал, что его отец никогда «во время составления «Азбуки» и «Книг для чтения» и позднее... не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля, былины, сборники сказок и пословиц... В разговоре он нередко приводил русские пословицы, как общеизвестные, так и мало известные, записанные им от крестьян и богомольцев. Он говорил, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках и т.п., рассеяна по всей России; частицы её можно услышать то от одного человека, то от другого: а в целом они, дополняя друг

друга, выясняют мировоззрение русского народа. Мне приходят на память следующие пословицы, которые он высказывал по тому или иному поводу: «много баять не подобает»; «на всякий роток не накинешь платок»; «как аукнется, так и откликнется»; «Бог-то Бог, да сам не будь плох»; «где родился, там и годился»; «не так живи, как хочется, а как Бог велит»; «день мой — век мой» и много других» ([7]; 101–103).

В тех же «Очерках былого» С.Л. Толстого содержится ещё одно интересное воспоминание об отношении великого писателя к афористическому фольклору. Великолепно зная русские народные пословицы и поговорки, фиксируя их в живой разговорной речи народа, Л.Н. Толстой всегда отмечал случаи их неполного, усечённого применения и употребления. Сын писателя вспоминает: «Он (Л.Н. Толстой. — С.Д.) указывал на неполноту некоторых общезвестных пословиц и записал дополнения к ним, слышанные им из уст народа. В следующих примерах эти дополнения напечатаны разрядкой: «На чужой каравай рта не разевай, а раньше вставай да свой затевай»; «Без стыда лица не износишь, как платья без пятна»; «От корма кони не рыщут, от добра добра не ишут»... Вообще в семидесятых годах он больше, чем когда-либо, изучал русский язык и русскую народную литературу, чем и воспользовался позднее в своих народных рассказах и других произведениях» ([7]; 103).

Из уст народа записано Толстым и много других замечательных пословиц. Так, в 1910 году, гостя у своей дочери Т.Л. Сухотиной в богатом имении Кочеты Тульской губернии, писатель услышал от крестьян пословицу, которая поразила его своим острым социальным звучанием: «На небе царство Господнее, а на земле царство господское». О том, что эта пословица как нельзя больше былаозвучна душевному состоянию Толстого в последний год его жизни, свидетельствует запись в его «Дневнике для одного себя» от 20 августа 1910 г.: «Ездил верхом, и вид этого царства господского так мучает меня, что подумываю о том, чтобы убежать, скрыться» ([8]: 58, 134). Тем же тягостным настроением проникнуто и письмо писателя к своему близкому другу и издателю его сочинений В.Г. Черткову от 25 августа того же года, где он вновь вспоминает эту пословицу: «Тяготит меня, как всегда, и особенно здесь (т.е. в Кочетах. — С.Д.) роскошь жизни среди бедности народа. Здесь мужики говорят: «На небе царство Господнее, а на земле царство господское». А здесь роскошь особенно велика, и это словечко засело мне в голову и усиливает сознание постыдности моей жизни» ([8]: 89, 209).

Пополнял писатель свой огромный залас русских пословиц и из фольклорных сборников, в том числе из классических собраний И.М. Снегирёва «Русские народные пословицы и притчи» [5] и его же «Нового сборника русских пословиц и притчей...» [4], а также из знаменитого собрания В.И. Даля «Пословицы русского народа» [1]. Почётное место в яснополянской библиотеке Толстого занимал и четырёхтомный «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [6], также содержащий огромное количество русских пословиц и поговорок. После ухода Толстого из Ясной Поляны на его книжном столе остался вышедший в 1910 году вторым изданием сборник И.И. Иллюсторова «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках» [3], который писатель сам заказал в книжном магазине. По собственному признанию Толстого, чтение этих сборников, особенно первого из перечисленных, доставляло ему ни с чем не сравнимую радость и пользу: «Давно уже чтение сборника пословиц Снегирёва составляет для меня одно из любимых не занятий, но наслаждений. На каждую пословицу мне представляются лица из народа и их столкновения в смысле пословицы. В числе неосуществлённых мечтаний мне всегда представляется ряд не то повестей, не то картин, написанных на пословицы» ([8]; 8, 302), — писал Толстой в 1862 г. в статье «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?», напечатанной в том же году в сентябрьской книжке педагогического журнала Толстого «Ясная Поляна».

О том, что эти замыслы писателя не остались всё же «неосуществлёнными», подтверждает та же статья «Кому у кого учиться писать...». «Один раз, — вспоминает Толстой, — прошлю зимой, я зачитался после обеда книгой Снегирёва и с книгой же пришёл в школу. Был класс русского языка. — Ну-ка, напишите кто на пословицу, — сказал я. Лучшие ученики — Федька (Федькой Толстой называет своего любимого ученика Василия Морозова. — С.Д.), Сёмка (под именем Сёмки Толстой описал своего ученика Игнатия Макарова. — С.Д.) и другие навострили уши. — Как на пословицу, что такое? скажите нам? — посыпалась вопросы. Открылась пословица: *ложкой кормит, стеблем глаз колет* (курсив Л.Н. Толстого. — С.Д.). — Вот, вообрази себе, — сказал я, — что мужик взял к себе какого-нибудь нищего, а потом за своё добро его попрекать стал, — и выйдет к тому, что *ложкой кормит, стеблем глаз колет*... — Ну, — сказал я, — кто лучше напишет, — и я с вами» ([8]; 8, 302). И далее, сравнивая начало повести, написанное им самим, и её продолжение, сочинённое учениками (повесть была напечатана в 4-й книжке «Ясной Поляны»), Толстой самокритично замечает: «Вся-

кий непредубеждённый человек, имеющий чувство художественности и народности, прочтя эту первую, писанную мною, и следующие страницы повести, писанные самими учениками, отличит эту страницу от других, как муух в молоке: так она фальшива, искусственна и написана таким плохим языком» ([8]; 8, 302). И Толстой так объясняет то предпочтение, которое он отдаёт страницам повести, написанным его учениками: «У меня крепко сидели в голове требования правильности постройки и верности отношения мысли пословицы к повести; у них, напротив, были только требования художественной правды» ([8]; 8, 303). О том, что этот опыт создания его учениками рассказа на пословицу был не единственным, свидетельствует другой фрагмент той же статьи: «На пословицы написана была двумя самыми посредственными по способностям... мальчиками только одна повесть: «Кто празднику рад, тот до свету пьян», напечатанная в 3 номере (имеется в виду одноименный рассказ учеников Яснополянской школы В. Румянцева и Соколова, напечатанный в третьей «Книжке Ясной Поляны» за 1862 г. — С.Д.)» ([8]; 8, 310–311).

Когда спустя почти десять лет Толстой задумал составить учебные книги для начальной школы — свои знаменитые «Азбуку» (СПб., 1872) с входящими в ее состав четырьмя книгами для чтения и «Новую азбуку» (М., 1875), то он включил в них немалое количество пословиц и поговорок: «Азбуку учат, на всю избу кричат» ([8]; 22, 20), «Дитя падает — ангел перинку стелет» ([8]; 22, 22), «До царя далеко, до Бога высоко» ([8]; 22, 27), «Без костей и рыбки не съесть» ([8]; 22, 33), «Богат ждёт пакости, а убог радости» ([8]; 22, 38), «Без Бога ни до порога, а с Ним хоть за море» ([8]; 22, 39) и др.

Много пословиц и поговорок содержится в «Записных книжках» Толстого 1879 года, причём некоторые из этих народных изречений были впоследствии творчески использованы писателем в его художественных произведениях: «По пояс в грязи лежит, а говорит — не брызжи», «Чужой чужим и пахнет» (здесь и далее курсив Толстого. — С.Д.), «Язык помягче — пока не стар» ([8]; 48, 215) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрешка. Ты погоди говорить, у меня язык помягче, дай я скажу») ([8]; 26, 137), «Идучи за салому цепляется», «Обрящи Бог виноватого, оправдай Бог правого», «Оплошки не делай» ([8]; 48, 216) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрешка. Оплошки не давай») ([8]; 26, 165), «Однова дыхнуть» ([8]; 48, 217) (во «Власти тьмы» это выражение несколько раз повторяется девочкой Анюткой, дочерью Петра), «Дума за горами, смерть за плечами», «Ночная кукушка денную перекукует»

[8]; 48, 218) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрена. Ночная-то кукушка денную перекувала») ([8]; 26, 235), «Не малина, не опанет» ([8]; 48, 219) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрена. Женить тоже спешить некуда. Это такое дело. Не малина, не опанет») ([8]; 26, 135), «В косы увяз руками. Насилу отняли» ([8]; 48, 220) (ср. во «Власти тьмы»: «А нисс я. Намедни в косы руками увяз, насили вырвалась») ([8]; 26, 176), «Кот да кошка, да п[оп] Тимошка» ([8]; 48, 221) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрена. Никто не знает: ни кот, ни кошка, ни поп Ерошка») ([8]; 26, 233), «Терта перетерта. Куда её ни пошли, она всякие дела сама знает» ([8]; 48, 234) (ср. во «Власти тьмы»: Матрена. «Эх, девушка, тетка Матрена терта, терта, да перетерта») ([8]; 26, 131), «Как в доме лад, найдешь клад. А не в лад, потеряешь клад» ([8]; 48, 234), «Пословица не мимо молвица» ([8]; 48, 265) (ср. во «Власти тьмы»: «Матрена. Пословица не даром молвится») ([8]; 26, 154); в рассказе «Чем люди живы»: «Пословица не мимо молвится») ([8]; 25, 21), «Какой палец ни укуси, всё больно» ([8]; 48, 311), «Всяк живот смерти боится» ([8]; 48, 362).

Как отмечает исследовательница творчества писателя Э.Е. Зайденшнур, «интерес Толстого к пословицам был настолько велик, что у него возник замысел составить свой сборник. Записная книжка 1880 г. целиком посвящена подготовке неосуществленного в ту пору замысла» ([2]; 562). Сборник пословиц составлен не был, но материалы к нему сохранились. Туда вошли такие пословицы, как, например, «Кабы мне тот разум наперёд, что приходит опосля» ([8]; 48, 334), «Двое плеших за гребень дерутся», «Живи всяк своим умом» ([8]; 48, 335), «Недозрелый умок, что вешний ледок» ([8]; 48, 339), «По платью встречают, по уму провожают» ([8]; 48, 339), «Лучше с умным потерять, чем с глупым найти» ([8]; 48, 340), «Добро помни, а зло забывай» ([8]; 48, 341), «Конь о четырёх ногах, да спотыкается» ([8]; 48, 341) (любопытно, что последняя пословица ранее была использована в «Капитанской дочки» А.С. Пушкина в одной из реплик Савельича), «Красному яблочку черноточина не укор» ([8]; 48, 341) и т.д.

Подтверждают глубокий интерес Толстого к малым жанрам фольклора и его дневники, где мы находим целые россыпи народных пословиц и поговорок. Как известно, писатель вёл дневники с некоторыми перерывами в течение всей почти своей жизни. По своему содержанию — это дневники свидетеля и участника общественной жизни страны. Но в то же время в дневниках Толстого отмечаются не только события, но и интимные чувства и переживания, его сокровенные раздумья о добре и зле, о назначении человека. Дневники Толстого содержат также его мысли об искусстве,

о прекрасном, о собственном художественном творчестве и о писателях-свременниках. И показательно, что во многих случаях пословицы и поговорки, эти великолепные образцы живой и выразительной народной речи, народной мудрости часто помогали писателю предельно чётко, ёмко и образно высказывать своё отношение к различным явлениям, событиям внешней и внутренней жизни, к тем или иным примечательным явлениям литературы и фольклора. Так, размышляя о любви, Толстой заносит на страницы дневника 22 сентября 1895 г. следующую запись: «Вот кто настоящая волшебница — это любовь. Стоит полюбить, и то, что полюбил, становится прекрасным. Как только сделать, чтобы полюбить, чтоб всё любить: *Не по хорошу мил, а по милу хороши*» (курсив мой. — С.Д.) ([8]; 53, 54). В данном случае Толстой доверяет пословице функцию морали, широкого обобщения, житейской мудрости. Через девять месяцев, в дневниковой записи от 19 июня 1896 г. Толстой ещё раз вспомнит эту же пословицу, но уже в связи с его мыслями об искусстве, о красоте: «1) Очень важное об искусстве: что такое красота? Красота — то, что мы любим. *Не по хорошу мил, а по милу хороши* (курсив Толстого. — С.Д.) ([8]; 53, 99). В другом случае пословица помогает писателю подытожить и образно выразить свои философские размышления о жизни, о судьбе человека. В дневниковой записи от 7 сентября 1900 г. мы читаем: «Человек может только делать то, что должно, предоставляя жизни складываться так, как того хочет высшая воля или судьба. Человек ходит, Бог водит (курсив мой. — С.Д.)» ([8]; 54, 41). О том, что писатель придавал большое значение этому народному изречению, говорит тот факт, что та же пословица встречается ещё раз в дневниковой записи от 1 декабря того же года ([8]; 54, 68). В своем дневнике Толстой не только широко употреблял пословицы, но и часто задумывался над их значением, над заключённой в них житейской мудростью, разъяснял их смысл. Так, 7 марта 1904 г. он записывает в свой дневник: «2) Прекрасная пословица: *живой живое и думает* (курсив Толстого. — С.Д.), то есть что, пока человек жив, он не может весь не отдаваться интересам этого мира. От этого так страшна смерть, когда человек, полный жизни, думает о ней. Когда же приближается смерть раной, болезнью, старостью, челов[ек] перестаёт думать о живом и смерть перестаёт быть страшною» ([8]; 55, 17).

Немало пословиц содержится в дневнике Толстого за последний год его жизни. Это пословицы различные по своей тематике, по содержанию. Но всех их объединяет одно: в них аккумулирован, обобщён накопленный веками житейский опыт народа. Поэтому Толстой и использует их в качестве непогрешимого нравственного критерия в оценке окружающей жизни. Так, 27 марта 1910 года в связи со своими по-

стоянными и мучительными размышлениями о вере, о смысле жизни, писатель замечает: «Хочу записать не записанное в дневник... 4) Вера? Что такое вера? Вера — это то духовное здание, на кот[ором] стоит вся жизнь человека, это то, что даёт ему точку опоры и потому возможность двигаться» ([8]: 58, 29). И чуть ниже ссылается на пословицу: «7) Ты о людях, а Б[ог] о тебе» ([8]: 58, 30). 16 апреля 1910 г.: «Записать... 2) Как не быть самоубийствам при том извращении веры и нелепости науки. От веры в науку: из огня в полымя» ([8]: 58, 39). 20 июля 1910 года, размышляя о тяжёлом, а подчас и униженном положении женщины в современном обществе, о том, что общество всегда беззаконно готово осудить женщину за малейший проступок, Толстой записывает: «Да, ни в чём так не видно, что обществ[енное] мнение устанавливалось не женщинами, а мужчинами. А женщина уже потому меньше, чем мужчина подлежит осуждению, что она несёт всю великую тяжесть последствий своего греха — роды, позор; мужчина же ничего. «Не пойман, не вор» ([8]: 58, 81). 22 июля 1910 г. о своём настроении и душевном состоянии: «О[чень] мало спал. Ничего не работал... Натянуто, мучительно, тяж[ело]. Терпи казак (здесь писатель приводит пословицу в сокращённом, усечённом виде, как бы опуская её вторую часть. Обычное продолжение этой пословицы хорошо известно: <атаманом будешь>. — С.Д.)» ([8]: 58, 83). Нетрудно заметить, что во всех приведённых выше случаях пословица как бы обобщает записанное, является итогом, конечным выводом раздумий писателя.

Литература

1. Даль В. И. Пословицы русского народа. — М., 1862.
2. Зайденишнур Э. Е. Пословицы и поговорки в произведениях Толстого // Литературное наследство. Т. 69. Кн. 1. Лев Толстой. — М., 1961.
3. Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. — СПб., 1910.
4. Снегирёв И. М. Новый сборник русских пословиц и притчей. — М., 1857.
5. Снегирёв И. М. Русские народные пословицы и притчи. — М., 1848.
6. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4-х тт. — М., 1862–1868.
7. Толстой С. Л. Очерки былого. — 4-е изд., исправ. и доп. — Тула, 1975.

8. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-та тт. – М., 1928–1958. (Все ссылки даются с указанием арабскими цифрами тома и страницы).

**Aphoristic folklore
in L.N. Tolstoy's diaries, notebooks and articles**

In the article the author, using concrete examples taken from L.N. Tolstoy's diaries, notebooks and articles, demonstrates, what great consideration the writer gives folklore, and, in particular, folk proverbs. The proverbs often help the writer to express his attitude to different phenomena and events of external and internal life with maximum precision, capacity and figurativeness.

Key words: folklore, proverbs, diary, notebooks.